В статье представлена картина возникновения и формирования уникального исторического явления – русской военной эмиграции. На примере эвакуации Русской армии генерала П.Н. Врангеля и гражданского населения предпринята попытка пролить свет на данный вопрос. Особое внимание уделено описанию жизни первого армейского корпуса (ядро армии) в 1920-1923 гг. Рассмотрены численный состав и количественные параметры корпуса, политические, правовые, культурные и др. аспекты его пребывания на чужбине.

Возникновение и формирование русской военной эмиграции. 1920-1923 гг.

Ирина РЯХОВСКАЯ
– аспирантка кафедры Отечественной истории нового и новейшего времени Воронежского государственного педагогического университета

В 1917 — 1922 гг. Россия была втянута в пучину Гражданской войны. Государство раскололось на два противоборствующих лагеря: сторонники советского строя (красные) и его противники (белые). Одним из центров сопротивления советской власти был юг России. В конце 1918 г. все антибольшевистские Вооруженные силы юга России (ВСЮР) при активной помощи стран Антанты были объединены под командованием генерала А.И. Деникина. Его армия в мае — июне 1919 г. перешла в наступление по всему фронту, захватила Донбасс, часть Украины, Белгород, Царицын. В июле началось наступление на Москву. Белые войска заняли Курск, Орел, Воронеж.

На советской территории началась очередная волна мобилизации сил и средств под девизом «Все на борьбу с Деникиным!». В октябре Красная армия перешла в контрнаступление. В феврале — марте 1920 г. вооруженные силы Юга России были разгромлены. Военные неудачи подорвали авторитет главнокомандующего. В ставку ежедневно поступали сведения о растущем недовольстве в войсках, на флоте, среди населения. Взвесив все «за» и «против», А.И. Деникин принял решение об отставке. 4 апреля генерал подписал приказ о назначении барона, генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля Верховным главнокомандующим ВСЮР [1, с.448]. Вечером этого же дня П.Н. Врангель подписал приказ о вступлении на пост главнокомандующего ВСЮР.

К началу осени 1920 г. Русская армия барона Врангеля, прижатая к Крыму, оставалась единственной вооруженной силой, способной противостоять большеви-

кам. 8 сентября была объявлена новая мобилизация для пополнения тающих на фронте частей. К моменту решающих сражений состояние этой армии было очень тяжелым. Одновременно с принятием военных мер главнокомандующий предпринял политико-дипломатические шаги. Рассчитывая на политическую поддержку, военную и техническую помощь, Врангель обратился к правительствам Англии и Франции, но получил отказ.

В октябре 1920 г. закончилась советско-польская военная кампания. Руководство Красной армии получило возможность перебросить все силы с Западного фронта на Южный. Был выдвинут лозунг «Все на Врангеля!». В соответствии с планом Генерального штаба Южного фронта по окружению и уничтожению военных сил последнего белого генерала в Северной Таврии, недопущению их отхода в Крым Красная армия перешла в общее наступление. Не имея сил остановить атаки неприятеля, войска Врангеля отступили.

Штаб главнокомандующего совместно с командующим Черноморским флотом адмиралом М.А. Кедровым разработали план эвакуации армии и гражданского населения. 11 ноября командование Русской армии приняло решение начать планомерное отступление по всему фронту, а с 12 ноября — эвакуацию Крыма. В соответствии с директивой генерала Врангеля в ночь с 11 на 12 ноября войска, оторвавшись от противника, форсированным маршем должны были следовать к пунктам назначения. Первый, второй армейские и конный генерала Барбовича корпуса двинулись на Евпаторию, Севастополь и Ялту, третий армейский, Донской генерала Абрамова и Кубанский генерала Фостикова корпуса — на Керчь и Феодосию.

Вопрос о численности русских военных и гражданских лиц, покинувших в ноябре 1920 г. Крымский полуостров, в разные исторические периоды подвергался как пересмотру, так и откровенной фальсификации, в зависимости от личности и политических пристрастий исследователей, занимавшихся данной проблемой. Манипулирование статистической информацией осуществлялось и правительственными органами, неоднократно стремившимися завысить или занизить реальное количество русских беженцев.

По данным Полевого штаба Красной армии, в Севастополе на отходящие за границу суда погрузились более 50 тыс. человек, в Ялте — от 10 до 12 тыс., в Феодосии — 17,5 тыс., в Керчи — около 12 тыс., в Евпатории — 1 тыс. Всего родные берега покинули более 90 тыс. гражданских и военных лиц [2, с.223-224].

Определить точное количество беженцев невозможно. «...Телеграммы говорят о 30 тыс., затем о 70 тыс., а потом даже о 110 тыс. человек...» [3, с.245] По данным штаба Верховного главнокомандующего Русской армией, с 12 по16 ноября 1920 г. из Крыма на 126 судах выехали 145693 человека, не считая экипажей судов [4, с.381], по британским данным — 148 678 человек [5, с.90].

Основу многотысячной массы беженцев составили более 100 тыс. воинских чинов и около 50 тыс. гражданских лиц: 13 тыс. мужчин, 30 тыс. женщин и 7 тыс. детей. Из 100 тыс. военнослужащих примерно 50 тыс. принадлежали к строевым частям армии и флота, более 6 тыс. — раненые и больные, до 40 тыс. — чины тыловых учреждений и частей, более 3 тыс. — учащиеся военно-учебных заведений [6, с.4].

В соответствии с достигнутым соглашением от 13 ноября 1920 г. между руководством Русской армии и Французской республики последняя принимала под свое покровительство крымских беженцев. Однако эта помощь не была бескорыстной. Для покрытия части расходов на эвакуа-

цию и затраты на содержание военных и гражданских лиц французскому правительству были переданы в залог 30 единиц Черноморского флота со всем находившимся на них имуществом на сумму, по разным данным, от 70 [7, с.224; 22; 150] до 110 млн франков [8, с.58; 145]. Комиссия Русского совета оценила стоимость вывезенного из Крыма имущества в 150 млн франков [9, с.332-333].

В первые дни по прибытии в Константинополь на крейсере «Вальдек Руссо» состоялось совещание с участием официальных лиц Франции и командования Русской армии. Интересы Французской республики представляли Верховный комиссар де Франс, командующий оккупационным корпусом генерал де Бургон, граф де Мартель, командующий французской Восточно-Средиземноморской эскадрой, адмирал де Бон и его начальник штаба. С русской стороны присутствовали генералы П.Н. Врангель и П.Н. Шатилов.

На совещании обсуждался, во-первых, вопрос о сохранении армии. После продолжительных дискуссий французская сторона дала официальное согласие на сохранение Русской армии со своей организацией, судом, оружием (1/20 часть), боевыми знаменами и подчинение ее своему командованию в порядке строгой военной дисциплины.

Во-вторых, участники совещания разработали план размещения армии и гражданского населения. Сразу после эвакуации населения Крыма начались дипломатические переговоры с правительствами балканских стран о приеме максимально возможного количества беженцев. Одним из первых откликнулось правительство Королевства СХС*. Оно дало официальное согласие на въезд, по разным данным, 20-22 тыс. человек [10, с.269; 138]. Параллельно с белградским правительством начались переговоры в Софии. Правительство А. Стамболийского дало официальное согласие на прием 3-4 тыс. беженцев [11, с.138; 266]. Переговоры с Румынией и Грецией протекали сложно. Правительства этих балканских стран длительное время отвергали все предложения французов и русского командования. Только в конце декабря власти Румынии и Греции заявили, что готовы принять по 1500 человек [5, с.94]. В конце 1920 — начале 1921 гг. была осуществлена переброска беженцев из Константинополя в балканские государства.

Остальная часть беженцев (около 20 тыс.) была расселена в окрестностях Константинополя по специально организованным лагерям (Лан, Бернадот, Канробер, Селимье, Сан-Стефано и др.) и общежитиям (Нускетие, Фламур, Галата, Святая София, Буюк-Дере, Терапие и др.). Раненые и больные были размещены в иностранных и русских госпиталях в районе Константинополя.

Для размещения армии французы предложили развернуть военные лагеря. С этой целью русское командование осуществило переформирование воинских частей. Они были сведены в три корпуса: Кубанский (16050) [8, с.75] генерала М.А. Фостикова, Донской (14630) [8, с.75] генерала Ф.Ф. Абрамова и первый армейский (26590) [8, с.74] генерала А.П. Кутепова и размещены, соответственно, в лагерях на острове Лемнос, Чаталджа и Галлиполи. Корабли Черноморского флота были отправлены в Северную Африку на базу союзников в Бизерте.

Управление первым армейским корпусом, в соответствии с приказом Врангеля от 19 ноября 1920 г., возлагалось на генерала А.П. Кутепова. В этот корпус были сведены: управление корпусом, первая пехотная и кавалерийская дивизии; технический полк, военно-учебные заведе-

* Королевство СХС — Королевство сербов, хорватов, словенцев, а с 1929 г. — Югославия.

ния, вспомогательные части и учреждения [12, л.48-50].

Организацией высадки воинских контингентов на Галлиполийском полуострове руководил начальник первой пехотной дивизии, генерал-лейтенант В.К. Витковский. Один из участников тех событий писал: «В ноябрьский день, дождливый, серый и холодный, мы прибыли на пустынный галлиполийский берег. Пароходы, грязные, накренившиеся на один борт, облепленные серыми людьми, стояли на рейде. Казалось, что эти люди потерпели аварию. Измученные, озлобленные — с ужасом в глазах, с тяжелым камнем на сердце, — они прибились к суровому берегу, как прибивается разбитая шлюпка к скалистым берегам...» [13, с.272]

Из беседы генерала А.П. Кутепова с начальником французского отряда, майором Вейлером выяснилось, что в городе будет размещена только одна треть корпуса. Центром дислокации остальных частей станет лагерь, расположенный в 6-7 км. В городе разместились штаб первого армейского корпуса, военно-учебные заведения, нестроевые части и учреждения, семьи военнослужащих, в лагере — первая пехотная дивизия и кавалерия [14, с.14]. Князь П. Долгоруков писал: «В городе — развалине ютится 11 тыс. русских, в лагере, в семи веретах, 15 тыс...» [15, с.369]

Реальная власть в Галлиполи принадлежала французскому коменданту. Вторым официальным лицом был русский комендант города. Управление коменданта делилось на инспекторскую, строевую, хозяйственную, военно-учебную части и квартирный отдел. Взаимоотношения русского и союзного комендантов не регламентировались никакими документами. Функции русского коменданта города большей частью возникали спонтанно, и местные представители французской власти были поставлены в необходимость их признания.

Внутренний распорядок, права и обязанности русских беженцев определялись соответствующими правилами и инструкциями союзного военного командования. Для охраны общественного порядка и поддержания дисциплины в распоряжении французского коменданта находился вооруженный отряд из союзнического гарнизона (500 сенегальских стрелков) [16, с.160]. С целью наблюдения за настроениями русских эмигрантов был создан отряд «контрразведчиков». В него входили сами беженцы.

Особый интерес представляют взаимоотношения русских с местными жителями. Состав населения в Галлиполи был следующий: русские — 8400 (45%), греки — 4300 (23%), турки — 2900 (15%), евреи — 1400 (8%), армяне — 900 (5%), сенегальцы — 800 (4%) [16, с.385]. Сначала местные жители, по их собственному признанию, встретили прибытие русских с ужасом. Это чувство усилили первые впечатления от высадившихся на турецком берегу беженцев. «...Голодные, не мытые, выпачканные трехнедельной жизнью в грязи и тесноте парохода, русские растерянно бродили и, не владея местными языками, знаками показывали желание приобрести пищу...» [12, л.562] Со временем между жителями Галлиполи и беженцами установились дружеские отношения.

К началу 1921 г. в лагере зародились ростки культурной и общественной жизни. С этого времени началась история первых культурных организаций как просветительского, так и общественного характера. В свет выходили печатные газеты и листки, иллюстрированные литературные журналы; возникали учебные заведения — гимназии, высшие образовательные курсы, кружки и т.д. Развивалась и общественно-хозяйственная деятельность в виде военных собраний и кооперативов. Все эти явления культурной жизни первого армейского корпуса в Галлиполи происхо-

дили на фоне отсутствия материальных средств и полной изолированности от внешнего мира.

С первых дней пребывания армии в Галлиполи возникла проблема утечки кадров. «...Ежедневно из полков поступали длинные списки бежавших ночью, многих из них находили чернокожие французские солдаты и греческие жандармы ... и приводили обратно» [17, с.328]. Командование Русской армии принимало энергичные меры, чтобы воспрепятствовать бегству солдат и офицеров и сохранить армию. Оно искусственно завышало численность военнослужащих с целью составить представление об армии как сплоченной и боеспособной вооруженной силе, а также чтобы получать дополнительные продукты питания и обмундирование. Один из участников «галлиполийского сидения» писал: «...В каждой роте до 10% «мёртвых душ», а в учебных командах — до 40%. Они имелись специально для увеличения пайков... Список лиц, представлявшийся французам, всегда превышал на 15% то количество, которое существовало. Каждый взводный командир должен был наизусть помнить фамилии «мёртвых душ» и, в случае проверки личного состава, обязан был говорить, что эти лица ушли в горы за дровами или находятся в каком-нибудь наряде...» [14, с.22]

В январе 1921 г. был сформирован специальный беженский батальон, размещенный в 1 км от лагеря. Он представлял собой воинскую организацию — строевые занятия, строгая дисциплина, воинские наряды, специальные работы.

23 мая 1921 г. Кутепов подписал приказ № 323, в соответствии с которым все желающие в трехдневный срок могли перейти на беженское положение. После опубликования приказа ряды 1-го армейского корпуса покинули около двух тысяч человек. Эту информацию подтверждают архивные данные: с 24 по 27 мая в беженский батальон перешли 2057 человек. Из них 432 офицера и 1625 солдат. В процентном отношении это выглядит следующим образом: 4,75% — офицеры и 12,53% — солдаты [12, л.599].

Рост числа беженцев находился в прямой связи с политикой французских властей, направленной на распыление Русской армии. С этой целью французы неоднократно уменьшали паек, открыто агитировали и содействовали возвращению русских беженцев в Советскую Россию и рассеянию их в других странах.

Подобное отношение и действия французского оккупационного командования вызвали ответные меры Врангеля. Весной 1921 г. генерал обратился к правительствам Болгарии, Королевства СХС, Чехословакии, Греции, Венгрии и Японии с просьбой о возможности расселения воинских частей на территории этих государств. Переговоры протекали в сложной обстановке, но в итоге удалось достигнуть положительных результатов. Королевство СХС дало официальное согласие на прием кавалерии Барбовича, Кубанского корпуса и части донцов для несения пограничной службы и на государственные работы (около 12 тыс. человек) [6, с.8]. Болгария принимала части первого армейского корпуса, военно-учебные заведения и часть донцов (17 тыс. человек) [6, с.14]. Правительство Чехословакии гарантировало прием 1 тыс. человек на сельскохозяйственные работы [18, с.556; 9; 99]. Русскому посланнику в Афинах Демидову удалось получить разрешение правительства на прием 2-3 тысяч человек [19, л.17-17 об.; 9; 5]. Правительство Венгрии официально разрешило прием 200-300 человек [20, с.99; 9].

К концу 1921 — началу 1922 гг. усилия главнокомандующего по расселению армии в славянские государства были завершены, не считая 2 тыс. человек [21, с.156], оставшихся в Галлиполи под командованием генерала Мартынова. В мае

1923 г. последние части первого армейского корпуса покинули турецкий берег.

История возникновения и формирования русской военной эмиграции нуждается в дальнейшем глубоком изучении на основании новых архивных документов и материалов, «распыленных» по многим странам. Однако уже сейчас очевидно, что горькая участь эмигрантов стала закономерным результатом Гражданской войны 1917 — 1922 гг. и противоречий между различными антибольшевистскими силами, действовавшими в своих собственных интересах.

Литература

1. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Мн., 2002.
2. Из секретной разведывательной сводки Полевого штаба Красной армии об отступлении армии П.Н. Врангеля и результатах эвакуации // Русская военная эмиграция 20-40-х гг. Документы и материалы. Т. 1. Кн.1. М., 1998.
3. Из ежемесячного оперативного рапорта штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры в Генеральный штаб Вооруженных сил Франции за ноябрь месяц 1920 г. // Русская военная эмиграция 20-40-х гг. Документы и материалы. Т. 1. Кн.1. М., 1998.
4. *Врангель П.* Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г. Т. 2. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2003.
5. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920-1940. М., 2005.
6. Русская армия в изгнании: 1920-1923. Б. М., 1923.
7. *Матасов В.* Конноартиллеристы в Галлиполи // Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея / Сост., научная ред., предисл. д.и.н. С.В. Волкова. М., 2003; Русские в Галлиполи. Сб. статей, посвященный пребыванию первого Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923; Левитов М. Корниловцы в Галлиполи // Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея / Сост., научная ред., предисл. д.и.н. С.В. Волкова. М, 2003.
8. *Львов Н.Н., Даватц В.Х.* Русская армия на чужбине. Белград, 1923; Павлов В. Марковцы-артиллеристы в Галлиполи // Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея / Сост., научная ред., предисл. д.и.н. С.В. Волкова. М., 2003.
9. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920-1921 годах. // Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея / Сост., научная ред., предисл. д.и.н. С.В. Волкова. М., 2003.
10. Из ежемесячного оперативного рапорта штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры в Генеральный штаб Вооруженных сил Франции за декабрь месяц 1920 г. // Русская военная эмиграция 20-40-х гг. Документы и материалы. Т.1. Кн. 1. М., 1998; Главнокомандующий Русской армией генерал барон П.Н. Врангель. К десятилетию его кончины 12/25 апреля 1938 г. Сб. статей / А.А. Фон-Лампе. Берлин, 1938.
11. Главнокомандующий Русской армией генерал барон П.Н. Врангель. Берлин, 1938; Из еженедельной сводки разведывательного отдела штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры на 18 декабря 1920 г. Бюссон // Русская военная эмиграция 20-40-х гг. Документы и материалы. Т.1. Кн. 1. М., 1998.
12. ГАРФ. Ф.5928. Оп. 1. Д. 141.
13. *Даватц В.* Галлиполи, 1921 г. / В. Даватц // Генерал Кутепов. Сб. статей. Париж, 1934.
14. *Владимиров Л.* Возвратите их на Родину. (Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии). М., 1924.
15. *Черкасов-Георгиевский В.Г.* Генерал П.Н. Врангель. Последний рыцарь Российской империи: документальное жизнеописание. М., 2004.
16. Русские в Галлиполи. Сб. статей, посвященный пребыванию первого Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923.
17. *Достовалов Е.И.* Записки // Белое дело: избранные произведения в 16 книгах. Кн. 13. Константинополь – Галлиполи. М., 2003.
18. Сводка Иностранного отдела ВЧК о дислокации войск Русской армии, о положении русских беженцев за границей, внутреннем положении и внешней политике Польши, Румынии, Сербии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Болгарии, Турции // Русская военная эмиграция 20-40-х гг. Документы и материалы. Т.1. Кн. 2. М., 1998; Русская армия в изгнании: 1920-1923. Б. М., 1923; Шатилов П. Расселение армии по балканским странам / П. Шатилов // Русская армия в изгнании / Сост. С.В. Волков. М., 2003.
19. ГАРФ. Ф. 5928. Оп. 1. Д. 147; Русская армия в изгнании: 1920-1923. Б. М., 1923; Контрреволюционные русские вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: состояние, организация и деятельность по данным к 1-му октября 1921 г. (Материалы стратегической разведки РККА). М., 1921.
20. *Шатилов П.* Указ. Сочинение; Русская армия в изгнании: 1920-1923. Б. М., 1923.
21. Главнокомандующий Русской армией генерал барон П.Н. Врангель. Берлин, 1938.